

Тема национализма в работах Маршалла Маклюэна и современность

© Е.А. Юсипов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва, 105005, Россия

Проведен подробный анализ представлений канадского философа Маршалла Маклюэна о национализме. Эта тема сегодня особенно актуальна и для социальной философии, и для политологии, и для культурологии. Показана связь между возникновением национальных государств и появлением книгопечатания. Исследованы современные мировые процессы и продемонстрировано, какие прогнозы Маклюэна оказались верными, а какие нет. Рассмотрены проблемы интеграции эмигрантов, возросшего влияния крупных медиакорпораций и борьбы за равенство меньшинств.

Ключевые слова: Маршалл Маклюэн, медиа, национализм, книгопечатание, электронная эпоха

Маклюэн в «Галактике Гутенберга» утверждает, что до XV в. национализма не существовало. Национализм — явление, порожденное книгопечатанием на основе фонетического алфавита, полагает философ. Он не исследует отдельно эту проблему, однако она становится его неявной предпосылкой, почти аксиоматическим положением и в настоящее время имеет интересную судьбу методологического ключа к пониманию иных общественных явлений, поэтому целесообразно разобрать данную проблему подробнее.

Следует уточнить, что понятие национализма трактуется у Маклюэна обычно как гражданство, как государство, опирающееся на нацию, которая может включать в себя разные национальные и этнические группы, а не как выражение интересов той или иной народности или того или иного этноса. Философ использует эту трактовку, не принимая участие в до сих пор неразрешенных спорах о том, что возникло раньше: нация или национальное государство. Из контекста можно предполагать, что для Маклюэна они возникают примерно одновременно. Если согласиться с этим утверждением философа, то сегодня есть основания говорить о практически одновременном схождении с исторической арены наций и национальных государств как о мейнстриме.

Маклюэн указывает, что для Римской империи было характерно разделение по схеме «центр — периферия», а на обломках империи возникают государственные образования, которые существуют согласно схеме «много центров без периферии». До XIII в. в этих

средневековых городах процветала интернациональная торговля, и только затем появляется протекционизм в отношении торговли внутренней. Более легкие носители информации, такие как папирус и бумага, связаны с пространством, а более тяжелые (камень, глина) — со временем, утверждает медиатеоретик. С увеличением производства бумаги растут и бюрократия, и бюрократический централизм.

Торговцы раннего Средневековья закрывали свои города от конкурентов из других городов, но рядом с ними рос иной слой торговцев — аутсайдеров, которые получали сырье от купцов, занятых международным обменом, и возвращали им свой долг готовым товаром. Именно эти аутсайдеры, что парадоксально, составили в эпоху Возрождения движущую силу национализма.

Гомогенизация людей и материалов, мир однородности (который затем, в электрическую эпоху, сменится миром одновременности) — суть эры Гутенберга, в которую были созданы национальные государства. Эра Гутенберга оказалась первым периодом эпохи потребления; печатный текст — товар нетрадиционный для того времени, он формирует принцип линейности в менталитете и в организации иных, практических форм деятельности. Именно печатный текст продемонстрировал способ создания рынков и национальных армий. «Книгопечатание как горячее средство коммуникации позволило людям впервые увидеть язык, на котором они говорят, и тем самым визуализировать свое национальное единство посредством единства языкового: “Мы — те, кто говорим на языке Шекспира, — должны стать свободными или умереть”. С национализмом гомогенных носителей английского или французского языка неразрывно связан и индивидуализм» [1, с. 99]. Для бургундцев, гасконцев или провансальцев стало важнее, что они — французы, а для баварцев, швабов, саксонцев — что они немцы. Таким образом, подчеркивается ведущее значение самоидентификации как некоего духовного единства.

Национально ориентированное общество. Данная форма общества наибольшими темпами развивает коммерцию и финансы, прикладные сферы деятельности. Такое государство берет на себя функции организации, обучения и распределения рабочей силы, а значит, ускоренными темпами воспитывает всеобщую грамотность. Со ссылкой на де Токвиля Маклюэн пишет, что люди становились похожими друг на друга, это сделало возможным единство страны, общность законов и пр. — и, следовательно, нацию.

Особое значение приобретает формирующийся принцип существования: то, что нельзя напечатать, не существует. Существует, живо только то, что можно напечатать в диаграммах и разделениях, в застывших — а тем самым мертвых — картинках. Но этот принцип для массового сознания оказывается обратимым: что печатаемо, что

напечатано, то существует. Такое сверхдоверие к печати («раз напечатано, значит правда») было актуально до электронной эпохи.

Книгопечатание превратило ареал обитания национальных языков в замкнутую систему, создав, таким образом, национализм и национальное государство как централизованность.

Однако уже примерно в середине XX в. стало понятно, что если в Новое время национальные языки консолидировали людей, то теперь они их разъединяют. Так, Маклюэн цитирует Симону де Бовуар: «Какая смехотворная честь — быть великим писателем Гватемалы или Гондураса! Еще вчера он считал себя жителем привилегированной страны мира и воображал, что каждый исходящий оттуда звук отдавался во всех уголках земного шара. Но теперь он знал, что его слова умирали у его ног» [1, с. 139]. Очевидно, что тут сама испанская колониальная принадлежность упомянутых стран выглядит как включенность в большой мир, но тогда борьба за национальный язык выполняла интегративную роль. С освобождением от колониального гнета и, следовательно, с возможностью появления выдающихся литературных деятелей новых свободных стран именно за счет использования национальных языков они оказались невидимыми и неслышимыми для мира, где имеет широкое распространение испанский язык. Но вернемся в эпоху Возрождения.

Христианские книги стали издаваться в виде кодексов, сшитых листов, которые были удобнее для персонального чтения, чем свитки. Компактность книг значительно повысила скорость чтения и количество читателей, особенно с XVI в., когда книги на латыни были потеснены книгами на национальных языках, что также способствовало формированию наций.

Визуальная квантификация и фрагментация, свойственная печатной культуре, сначала создала уверенность во всеилии сегментаризации всех функций и деятельности человека и социума, а потом привела к сокрушениям о расколотости внутренней жизни личности. Однако именно такой человек считался абсолютной нормой: расколотый, раздвоенный, или, как отмечает Маклюэн, шизофреник. Если человек феодализма — это «центр-без-периферии», и он целостен, принадлежит к устной культуре, то человек буржуазного общества, напротив, визуален, существует в системе координат «центр — периферия» и озабочен своей идентификацией. При всем стремлении к индивидуальности он становится лишь усредненным, массовым человеком и склонен к созданию крупных централизованных общностей в первую очередь по национальному признаку.

Таким образом, печать и национализм существуют в общей системе координат. Национальный язык, обретая высокую степень визуальности в печати и став средством массовой коммуникации,

позволяет ощутить социальное единство в границах национального языка. Национализма нет и не может быть там, где национальный язык не обрел печатную форму, уверен Маклюэн. Речь тут не идет о племенной розни, как могут подумать те, кто привык к отрицательным коннотациям понятия «национализм», а о том, что только в эпоху развитого печатного национального языка складываются национальные государства. И это то, что в языке выше слов: он создает национальное государство. Язык портится, когда его сводят к словам; неадекватный язык, как можно теперь явственно видеть, размывает национальное государство.

В таком понимании национализм требует формального и фактического равенства прав как индивидов, так и наций. Национальное государство предполагает абсолютную суверенность государства, ограниченную, однако, принципом политической, экономической, религиозной свободы личности в каждом национальном государстве. Печать формирует невиданно строгую систему централизованного управления, но в то же время создает конфликт между производителями и потребителями, властью и гражданами, отношения между которыми находятся в состоянии неустойчивого равновесия, превращая свободу в острую проблему. Унификация, навязанная печатью, требует равных прав для разных сторон — участников процесса, однако соблюдение равенства очень проблематично. В версии, ориентированной на производителя или власть, они, в согласии с принципами эпохи Гутенберга, наделяются правом навязывать свои модели отношений потребителям (так называемый свободный рынок) и обществу. Поэтому полицейское государство исторически предшествует потребительскому обществу или может сменять потребительское общество, что показал опыт борьбы трампистов и антитрампистов в США в 2020–2021 гг. Причем источником такой «полицейскости» является уже не государство, а те или иные группы элит при однозначной лидирующей роли цифровых гигантов.

После трех тысячелетий специалистского взрыва, отмечает Маклюэн в «Понимании медиа», мир с наступлением электрической эпохи начал сжиматься и стал как деревня. Философ так и называет это новое сообщество: глобальная деревня. Благодаря «электрическим» (по Маклюэну) средствам массовых коммуникаций все люди оказываются мгновенно вовлечены в жизнь друг друга, человек на новом этапе возвращается к аудиотактильному типу, а национальное государство проходит, вероятно, этап инволюции. Чрезвычайно возрастает уязвимость людей и государств, а потому — и их ответственность за судьбы мира. Люди, вовлеченные в привязанность друг к другу и участие, попадают в Эпоху Тревоги, предупреждает философ. Специалистские медиа (например, деньги, колесо, письмо,

по Маклюэну) — детрайбализируют, неспециалистская электрическая (электронная) технология — ретрайбализирует. В результате западный мир обращается в восточный, а восточный — в западный. Запад возвращается в трайбалистский мир, поскольку технологии допускают предельную степень разрозненности, прерывности. Отсюда — общемировая тенденция к отделению (кроме СССР и РФ можно привести в пример Каталонию в Испании, Шотландию, Северную Ирландию и Уэльс в Великобритании, периодически возникающие идеи отделения некоторых штатов от США и т. д.).

Маклюэн полагал, что общие интересы и скорости электронной эпохи объединяют человечество в одно племя. Сегодня глобалистские процессы потерпели провал, и можно считать, что речи ни о какой общей ответственности и общих интересах человечества идти не может. В настоящее время процессы регионализации и нового шовинизма от его мягких форм до неорасизма объективно противостоят всевластию транснациональных корпораций.

Открытое общество, исполненное приращения и однородности, согласно Маклюэну, порождает национальные государства: «Открытое общество является открытым благодаря единообразной книгопечатной образовательной переработке, которая позволяет любой группе осуществлять бесконечную экспансию путем приращения. Печатная книга, базирующаяся на типографском единообразии и повторяемости визуального порядка, была первой машиной преподавания, так же как книгопечатание было первой механизацией ручной работы. Вместе с тем, несмотря на крайнюю фрагментацию, или специализацию, человеческого действия, необходимую для возникновения печатного слова, печатная книга представляет собой богатую смесь прежних культурных изобретений... Психические и социальные последствия печати включали постепенное гомогенизирующее распространение ее делимого и единообразного характера на разные регионы, приведшее в конце концов к тому возрастанию власти, энергии и агрессии, которое мы связываем с новыми национализмами» [2, с. 198].

Если согласиться с Маклюэном в том, что национальные государства связаны с открытым обществом, то есть очевидные основания считать, что в современных условиях, сильно ужесточенных пандемией, общества будут закрываться. Впрочем, и без пандемии направленность процесса Маклюэн предсказал верно: «Из множества непредвиденных последствий книгопечатания наиболее известно, видимо, рождение национализма. Политическая унификация населения на основе диалектных и языковых группировок была немислима, пока печать не превратила каждый народный язык в экстенсивное средство массового общения. Племя — расширенная форма семьи,

состоящей из кровных родственников, — взрывается печатью и заменяется ассоциацией людей, гомогенно обученных быть индивидами. Сам национализм предстал в энергичном новом визуальном образе групповой судьбы и группового статуса и зависел от скорости движения информации, которая до появления печати была неведома. Сегодня национализм как образ еще находит опору в прессе, однако *все новые электрические средства коммуникации действуют против него*. В бизнесе, как и в политике, даже скорости реактивной авиации делают совершенно неработоспособными старые национальные группировки социальной организации. В эпоху Возрождения именно скорость печати и обусловленное ею развитие рынка и торговли сделали национализм (который есть преобладание и конкуренция в гомогенном пространстве) столь новым, столь и естественным. К тому же гетерогенность и неконкурентная прерывность средневековых гильдий и семейной организации стали большим неудобством, когда вызванное печатью ускорение информации потребовало большей фрагментации функций и большего их единообразия» [2, с. 201, 202].

Кризис идентичности. Примерно с 1970-х годов прежде всего под воздействием телевидения, как полагает Маклюэн, нарастают процессы регионализации, которые при образовании национальных государств были подчинены последним. Телевидение стирает воспитанную печатной культурой линейность как паттерн. Так, именно с развитием телевидения, как ни странно, исчезает даже шов на чулках (для Запада это 1950-е годы) и мода на обязательные «стрелки» на брюках (в 1960-е годы широко распространяются джинсы, которые заглаженных «стрелок» не требуют). Линейная центрированность пропадает и в языке, и в отношениях между людьми. Возрождаются локальные диалекты, размываются общенациональные языки. Особый вес приобретают землячества и иные объединения по признакам «малой родины», особенно в условиях огромных масштабов миграции и переселившихся в Европу народов, которые составляют уже целые районы с населением, отказывающимся интегрироваться в культуру принимающей стороны, зато требующим себе все европейские государственные и муниципальные права и льготы. Происходит самоидентификация локальных групп населения государства как особых этнических групп, включая группы с выдуманной историей: например, жители канадского городка Труа Пистоль создали фантастическую версию о своем баскском происхождении [3, с. 1148–1150]. Кроме того, к традиционной социальной дифференциации по экономическому положению, месту в политической системе и профессиональным признакам добавляется приобретающая все большее значение дифференциация по полу (феминизм), сексуальной ориентации (гомо-, транс-, би- и гетеросексуальная ориентация),

возрасту (ювенократия, геронтократия, конфликт поколений), идеологии (консерваторы-либералы, что уже далеко не всегда совпадает с рамками политических партий) и др.

Маклюэн подчеркивает, что письменный человек стремится искоренять различия — пола (унисекс), возраста, расы, пространства, времени. Электронный человек не захочет такого единообразия и социальной гомогенизации, отмечает философ. Так, женщина, у которой отобрали ее своеобразие и сделали фрагментированным гражданином «мужского мира», или верующий, которому вместо его привычной церкви предлагают «бедную религию» без Бога, как в радикальном экуменизме, — все эти люди потребуют, с точки зрения Маклюэна, обеспечения уникальности и разнородности своих предпочтений, но с учетом и удовлетворением неискоренимой для человека как социального существа нужды в идентичности, принадлежности к общности. Все эти процессы сегодня проявились наглядно в движении Black Lives Matter, в социальных феноменах, когда требуется различать мужское и женское, норму в трактовке здоровья и девиацию (равенство не есть одинаковость и тождество), и в заявлении права сохранять традиционную религиозность, образ жизни и т. д. Таковую эпоху уже следовало бы назвать постпостмодерном.

Принципы эпохи модерна — вера в неуклонный прогресс (прежде всего технический) как подчинение человеком сил природы, разделение по этому критерию стран на развитые, слаборазвитые и дикие, что предполагало, соответственно, право на колонизацию развитыми двух других. Наука, как заявлялось, безразлична к этическому измерению — ее развитие превыше иных, посторонних ей измерений. Любая система, организация и порядок лучше хаоса и анархии. Избирательное право, основанное на выборе большинства, право как верховенство закона, свобода личности представляют собой высшую справедливость. Религиозные потребности удовлетворяются в рамках признанных законом церквей [4, с. 280].

В последней четверти XX столетия наступает эпоха постмодерна. В этом мироощущении реальной исходной точкой отсчета представляется индивид с его своеобразием, а всякая общность, общественная норма видятся репрессией и «фашизмом». В качестве «репрессивного аппарата» выступают разум и истина, организация и система. Хаос плодотворен, а структура мертва, утверждают постмодернисты. В социальном отношении доминируют левые настроения: любые государственные структуры следует разоблачать как фальшивые. Европа должна быть развенчана в своем евроцентризме, предполагающем шовинистическое отношение ко всем иным культурам и обществам. Традиции, национальное наследие, сама европейская история заслуживают лишь осмеяния и отрицания. Отвергаются вообще все

виды социального неравенства, запрещается рассматривать кого-либо как чужих, будь то женщины, заключенные или гомосексуалисты, и требуется запретить ту исходную культуру, которая, по мнению постмодернистов, породила это неравенство, — культуру «белую» и «мужскую» [4, с. 281–283].

Далее Г.С. Кнабе в качестве показательного примера рассматривает концепцию Реми Брага, изложенную в его книге «Европа. Римский путь». Главная мысль Брага состоит в том, что как Рим был открытым обществом и его развитие было связано с саморастворением в других культурах, так и Европа, наследуя римские традиции, должна самоуничтожиться. При этом российский специалист, будучи изначально известным филологом-классиком, показывает исходную ошибку Брага: Рим никогда не ставил своей целью открытость до самоаннигиляции; напротив, поглощая инокультурный опыт, Рим постоянно распространял римское право, тип своей государственности, обычаи и быт на все подвластные ему территории. До XX столетия «европейскость» выражалась во взаимодействии с иными культурами и сохранении отличия от них, что есть римская традиция как стержневая для Европы [4, с. 284–287]. И только в условиях постмодерна, при всей его частично справедливой критике существующего положения вещей, была поставлена цель самоуничтожения Европы.

Основные принципы постмодерна Кнабе описывает следующим образом: «Часть всегда права перед целым; индивид всегда прав перед обществом; свобода всегда права перед ответственностью; субъективное самовыражение важнее объективной истины, которой, впрочем, и не существует, ибо все, что вне индивида и его свободы, навязано, т. е. существует насильственно, искусственно, а потому ложно; культура семиотична, но в силу абсолютной индивидуальности восприятия знаков денотаты их принципиально неуловимы, а коды нерасшифруемы» [5].

Постпостмодерн, соответственно, вводит в обиход иные требования, которые можно было бы сформулировать так: особенное всегда право перед общим и единичным; группа всегда права перед обществом; правда-справедливость важнее правды-истины; корпоративная культура важнее индивидуальности. Не всякая общность теперь объявляется репрессией. Ирония и негативизм в отношении «мы», характерные для постмодернизма и почитавшиеся репрессивным и «фашистским» мироощущением, сменяется почитанием в постпостмодернизме. На смену табу идентификации по признаку свой/чужой приходит выдвигание понятия «свой» на первые позиции. Однако это особые «мы» и «свои» — по иным основаниям — в частности и во многом, по основаниям этническим и национальным, если понимать национальность как «кровь». Хаос, как и в эпоху

постмодерна, считается важнее порядка, государство и существующие общественные структуры отвергаются уже практически революционным, насильственным образом.

Некоторые предвидения Маклюэна могут сбываться, некоторые нет. Вернемся еще раз к рассмотрению его концепции.

Уже для последней трети XX столетия Маклюэн ставит диагноз: сегодня люди превратились в кочевников. Пространство виртуала предоставляет мгновенный доступ к любой области пространства, в отличие от реального пространства, для доступа в которое требуется время и усилия. Руководство происходящими с 2020–2021 гг. уличными протестами в реальности осуществляется виртуально, при этом нет связки «центр — периферия», поскольку в сети каждый узел — сам себе центр без периферии. Новый антропологический тип — кочевник. «Теперь, однако, это (кочевое состояние — *примеч. авт.*) называется сбором информации и обработкой данных. Это глобальное состояние; оно игнорирует и вытесняет форму города, которая, стало быть, все более устаревает. С появлением мгновенной электрической технологии земной шар уже никогда не сможет стать более чем деревней, и сама природа города как формы основных параметров неизбежно должна раствориться в небытии, подобно затемнению в кинокадре» [2, с. 395].

Действительно, национальное государство опирается на город. Может ли оно сохраняться, если города исчезают? Национальное государство обладает такими признаками, как единство языка, территории (территориальная целостность), экономической сферы, политического представительства (суверенитет), информационного пространства, культуры (включая образование и историю), где государство в лице своих представителей формулирует общеобязательные законы и имеет монополию на насилие. В отличие от мононационального государства, в основе национального — люди преобладающей национальности и национальные меньшинства. Следует отметить, что изначально права человека и право наций на самоопределение находятся в постоянном единстве и борьбе с принципами государственного суверенитета и государственной целостности, а в условиях глобализации национальные государства размываются, поскольку нивелируются их основы. И если к уже отмеченной регионализации стран добавляется свобода рабочей миграции по миру, постепенное перетекание населения из городов в иные местности с возможностью работать дистанционно и/или с вошедшей в европейский обиход в связи с быстрой сменой востребованности необходимостью смены профессиональных занятий на протяжении жизни (тогда как прежде можно было приобрести единственную профессию и дожить до пенсии), то традиционные отмеченные выше единства

распадаются или приобретают совершенно новый вид. От национальных государств власть переходит к транснациональным корпорациям, а образование новых союзов типа ЕС требует частичного ограничения суверенитетов. Здесь следует вспомнить концепцию столкновения цивилизаций С. Хантингтона, который гораздо пессимистичнее смотрел на будущее человечества, чем Маклюэн.

Экономическое пространство Европейского союза стало почти единым, как и информационное, зато государствообразующие национальности или исчезли вовсе, или находятся в процессе исчезновения. Исторический бэкграунд у разных граждан одной европейской страны теперь разный, как и традиции, и обычаи, и бытовой язык, причем интегрироваться в культуру принимающей стороны, как уже было отмечено, мигранты не хотят, и не только первое поколение, но и последующие в своей массе.

Таким образом, распадаются скрепы национальных государств, что наиболее очевидно на примере современной Европы.

Эти процессы распада встречают сопротивление. Так, 7 октября 2017 г. известные европейские интеллектуалы, представители разных стран, выступили с заявлением, которое было озаглавлено «Европа, в которую мы можем верить» (A Europe we can believe in; примечательно, что среди его авторов Браг, о котором шла речь выше) [6]. В нем отмечается утрата Европой идентичности вследствие процессов, связанных с ЕС, и сделана попытка предложить пути выхода и ситуации сложившейся «лже-Европы» обратно к подлинной Европе. Европа перестала быть домом для европейцев. Патриотизм подвергается насмешкам и считается ретроградством. Возможны только те права и свободы, которые диктуются государством во имя толерантности, а любые социально-критические выступления подавляются и объявляются «фашизмом». На смену демократии пришла тирания технократов. Университеты взрастили поколения нигилистов, лишенных идентичности. Гражданское общество уничтожается. Все национальное европейское должно нивелироваться, но к мигрантам нельзя предъявлять требования интеграции, их культура должна быть транспонирована и продолжить существование на новом месте, что превращает европейские страны в колонии, и все это ради глобального единства и интересов человечества.

Авторы Парижского заявления возмущены сложившейся ситуацией и считают необходимым создать иной тип государства — во многом напоминающий утраченное национальное государство. Должен сформироваться новый тип государственного деятеля, который целью ставил бы служение благу своего народа, а не международного сообщества. Сложившийся тип иммиграции без интеграции следует отвергнуть. В обществе рыночной экономики большую роль

должно играть государство, а рынкам надлежит быть социально ориентированными. Политический суверенитет необходимо поставить выше интересов глобальных экономических сил, а государству следует быть социальным государством патриотической направленности, поощряющим труд на благо европейских народов. Солидарность общего рынка, транснациональной бюрократии и примитивных развлечений — это квазисолидарность. Долг родителей и педагогов — воспитывать своих подопечных, передавать им национальное культурное наследие, а не отказываться от воспитания под предлогом уклонения от «индоктринации» молодежи. Необходимо возродить национальный суверенитет и Европу наций и отвергнуть модель мультикультурного мира без границ.

Трудно не признать справедливость многих этих требований. Но в реальности европейцы все чаще говорят о себе, что они прежде всего гасконцы (или бретонцы, или баварцы и т. д.) и только потом — французы (или немцы и т. д.). Однако пока никакого «консервативного» поворота не случилось. Более того, сегодня на смену национализму как гражданству все чаще идет этнический национализм, в том числе в экстремистских формах, таких, например, как местный шовинизм и черный (или желтый) неорасизм. Политкорректность и борьба против любых форм социального неравенства, характерные для постмодерна, оборачиваются неорасизмом против белых и новой сегрегацией. Никогда не бывшие в своей жизни рабами и в этом смысле не пострадавшие требуют покаяния, привилегий и даже поклонения от тех, кто никогда не был рабовладельцем и в этом смысле неповинен. Такой же архаический принцип коллективной вины и ответственности невинных перед коллективной воображаемой общностью пострадавших реализуется в отношениях между бывшими колониями и метрополиями, центром и лимитрофами (те же тенденции наблюдаются в отношениях между мужчинами и женщинами, гетеросексуалами и ЛГБТ и т. д.). На подобном принципе у древних народов был основан обычай кровной мести. Само по себе возрождение такого принципа и его глобализация, распространение на множество разных областей социальной жизни свидетельствуют именно о возвращении к аудиотактильной культуре, как полагал Маклюэн, или какой-то другой, но определенно архаической, — это может быть предметом отдельного исследования.

Таким образом, Маршалл Маклюэн, трактуя национализм как гражданство, связывает рождение национальных государств с книгопечатанием, которое гомогенизирует общество, выстраивая его структуры в линейной центрированности и подчинении принципу «центр — периферия». С развитием электронных медиа и, в частности, телевидения национальные государства, по мнению философа, будут исчезать, поскольку все главные особенности национального

государства, делавшие его релевантным вызовам Нового времени, теперь, в электронную эпоху, оказались размытыми и нерелевантными текущим потребностям социума. Анализ современных мировых процессов, происходящих уже после смерти философа, показывает, что суверенность государств все более сокращается с переходом власти к транснациональным корпорациям, масштабной деятельности которых при этом противостоят процессы регионализации, и с возрастающими требованиями осуществления прав и свобод отдельных меньшинств. Сложившийся новый тип общества, глобальная деревня, как и предсказывал Маклюэн, несовместим с национализмом. Нарастает групповая регионализация, а борьба за равенство прав меньшинств все чаще превращается в утверждение их превосходства. Эти процессы оказываются особенно отчетливо видны при рассмотрении истории смены принципов эпохи модерна принципами постмодерна и далее — постпостмодерна. Предпринимаются попытки остановить процессы распада национальных государств, одна из которых — Парижское заявление европейских интеллектуалов 2017 г. Тем не менее можно констатировать, что в развитых странах нарастают процессы архаизации, благодаря которым можно говорить о некоем возвращении к добуржуазному типу социума на новом витке спирали.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Маклюэн М. *Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры*. Киев, Ника-Центр, 2003, 206 с.
- [2] Маклюэн М. *Понимание медиа: Внешние расширения человека*. Москва; Жуковский, КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле, 2003, 464 с.
- [3] Кнабе Г.С. *Избранные труды: теория и история культуры*. Москва; Санкт-Петербург, Летний сад; РОССПЭН, 2006, 1200 с.
- [4] Кнабе Г.С. Местоимения постмодерна. В кн.: *Древо познания и древо жизни*. Москва, РГГУ, 2006, с. 272–318.
- [5] Кнабе Г.С. *Знак. Истина. Круг. (Ю.М. Лотман и проблема постмодерна)*. URL: <https://ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html> (дата обращения 02.11.2021).
- [6] *A Europe We Can Believe In*. URL: <https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in/> (дата обращения 02.11.2021).

Статья поступила в редакцию 12.11.2021

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Юсипов Е.А. Тема национализма в работах Маршалла Маклюэна и современность. *Гуманитарный вестник*, 2021, вып. 5.
<http://dx.doi.org/10.18698/2306-8477-2021-5-748>

Юсипов Евгений Ансарович — аспирант кафедры «Философия», начальник отдела информационного сопровождения публикационной деятельности Управления информационной и молодежной политики МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: yusipovea@gmail.com

The ideas of nationalism in Marshall McLuhan's papers and modernity

© E.A. Yusipov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article is devoted to a detailed analysis of the ideas of nationalism introduced by a Canadian philosopher Marshall McLuhan. This topic seems particularly relevant today for social philosophy, political science, and cultural studies. The relationship between the emergence of nation states and the appearance of printing is examined. By investigating modern world processes, the author demonstrates which of McLuhan's predictions were correct and which were not. The problems of immigrant integration, the increased influence of large media corporations, and the struggle for minority equality are raised.

Keywords: *Marshall McLuhan, media, nationalism, printing, electronic age*

REFERENCES

- [1] McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. University of Toronto Press, Scholarly Publishing Division, repr. ed., 1962, 294 p. [In Russ.: McLuhan M. *Galaktika Gutenberga: Sotvorenje cheloveka pechatnoy kultury*. Kiev, Nika Center, 2003, 206 p.].
- [2] McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. The MIT Press; repr. ed., 1994, 389 p. [In Russ.: McLuhan M. *Ponimanie media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. Moscow, Zhukovsky, KANON-press-C, Kuchkovo pole Publ., 2003, 464 p.].
- [3] Knabe G.S. *Izbrannye trudy: teoriya i istoriya kultury* [Selected Works: Theory and History of Culture]. Moscow, St. Petersburg, Letniy sad, ROSSPEN, 2006, 1200 p.
- [4] Knabe G.S. Mestoimeniya postmoderna [Postmodern pronouns]. In: *Drevo poznaniya i drevo zhizni* [The tree of knowledge and the tree of life]. Moscow, RGGU, 2006, pp. 272–318.
- [5] Knabe G.S. *Znak. Istina. Krug. (Yu.M. Lotman i problema postmoderna)* [Sign. Truth. Circle. (Y.M. Lotman and the problem of postmodernity)]. Available at: <https://ruthenia.ru/lotman/txt/knabe95.html> (accessed November 2, 2021).
- [6] A Europe We Can Believe In. *The Paris Statement*. Available at: <https://thetrueeurope.eu/a-europe-we-can-believe-in/> (accessed November 2, 2021).

Yusipov E.A., post-graduate student, Department of Philosophy, Bauman Moscow State Technical University; Head of the Department of Information Support for Publication Activities of the Office of Information and Youth Policy, BMSTU.
e-mail: yusipovea@gmail.com